характеризуется следующими тенденциями: слабой проработанностью нормативно-правовой базы; неразвитостью системы взаимодействия государства, регионов и муниципалитетов; хаотичностью контрольно-регулирующих мер в отношении муниципалитетов; слабостью органов, призванных осуществлять регуляцию и контроль на региональном уровне.

Развитая система регионального регулирования муниципальной власти и управление подразумевает наличие трех направлений ответственности муниципалитетов за проводимую политику: перед государственной властью, перед населением муниципального образования и внутримуниципальной ответственности. Неразвитость данных механизмов ответственности в современной России влечет за собой такие негативные тенденции как превращение системы регулирования в систему командного администрирования, при практической невключенности населения в управленческую деятельность муниципалитетов (последнее фактически обессмысливает саму сущность муниципального управления как представительства интересов граждан). Соответственно, возникает необходимость проведения оптимизационных мероприятий в сфере регулирования муниципального управления.

Литература

1. *Кузнеченкова В.Е.* Принцип системности - основа государственного и муниципального финансового контроля // http://justicemaker.ru/view-article.php?id=23&art=410

2. *Березина Е.* Контролерам урежут полномочия // http://www.rg.ru/2011/12/13/kontrol.html

3. *Ялбулганов А.А., Лагутин И.Б.* Модернизация системы органов регионального финансового контроля (финансово-правовой аспект) // Государство и право. 2010. № 12. С. 50.

4. *Гафаров А.Р., Комаров А.Г.* Контроль в системе государственного и муниципального управления // http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2203

5. *Ковтун Е.В. и др.* Региональный и муниципальный контроль в Российской Федерации. М., 2012.

6. *Богачев У. А.* Инновационные основы оптимизации российской системы местного самоуправления в условиях реформирования политико-административных отношений. Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2010. С. 11.

7. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // http://www.riocenter.ru/ru/programs/doc/3928

УДК 323.3

Швец М. В.

Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели

В статье анализируются новые модели теневых субъектов политических процессов (нестандартная и парадоксальная), порожденные глобальными процессами гендерной и квазигендерной эмансипации. Автор дает оценку политических угроз со стороны квазигендерных групп и движений.

Ключевые слова: гендерная парадигма в политике; модели теневых субъектов в политике; стандартная, нестандартная, парадоксальная модели; гендерная и квазигендерная эмансипация; квазигендерные группы.

В современных глобальных, региональных и, во многих случаях, локальных политических процессах доминирующей выступает установка на демократизацию, публичность, прозрачность, открытость. В то же время наличие закрытости, тайного, избранного или, как можно обобщенно выразиться, теневого компонента в политике со временем вряд ли убывает. Меняются формы, способы мотивирования теневой политической деятельности. Однако в силу ряда онтологических причин теневая сторона в политике, как и представляющие ее коллективные и индивидуальные субъекты, сохраняются. В ряде исследований Ростовской элитологической школы на это обращалось серьезное внимание [1]. Речь идет о таком компоненте, который призван поднять или сохранить конкурентоспособность в политике; или же – о политической тайне, секрете – своеобразных аналогах коммерческой, финансовой тайны. В то же время практически все действия, относимые к угрозам государственной и национальной безопасности, готовятся и осуществляются первоначально в теневом политическом режиме. Деятельность оппозиционных, в особенности радикальных политических сил, опирается на значительный элемент закрытости. То же касается политического обеспечения теневой и неформальной экономики (лоббирование на уровне парламентов и правительств), и все это – классический вариант (модель) теневой политики.

В репрезентации теневой политики и ее субъектов мы встречаемся с различными моделями теневизации. На наш взгляд, целесообразно выделить три основных модели теневых политических субъектов: стандартную, нестандартную, парадоксальную.

К стандартной модели следует отнести постоянно воспроизводящиеся в политических отношениях и процессах ситуации, востребующие закрытость: столкновение политических интересов в межгосударственных отношениях, продуцирующее создание разведок, тайной дипломатии, военных формирований, ведущих свою деятельность в закрытом и секретном режимах; уже отмеченные ранее акции политического лоббизма, которые в подавляющем числе государств не регулируются соответствующими правовыми актами; борьба правящих партий и режимов с оппозиционными силами вне правового поля и т.п. В основе стандартной модели теневых субъектов и их деятельности лежит в первую очередь устремленность к обладанию политической властью, обеспечение ее стабильности и сохранение целостности государства и его позиционирования в мире; использование политической власти в качестве ресурса в обеспечении экономических и статусных интересов.

В то же время в современных политических процессах присутствуют и получают свое развитие субъекты, основные интересы которых не связаны и не направлены на обладание политической властью, а лишь осуществляют прессинг на нее с целью защиты своих витальных, духовных, культурных интересов, возможностей самореализации. Такие субъекты лишь в силу сопротивления и инертности власти выходят на арену политических отношений, и их действия, как правило, не носят и не приобретают насильственного характера. Такие субъекты, действующие первоначально непубличко, неформально следует отнести к нестандартной модели.

В то же время в эпоху глобализации появляются неформальные (непубличные) субъекты, которые вообще дистанцируются от власти и применительно к участию в политике занимают абсентеистскую позицию. Они составляют парадоксальную модель. Тем не менее в силу синхронизации социально-политических и социокультурных процессов в глобальном мире, казалось бы вопреки своим принципам и воле, такие субъекты втягиваются в политические процессы, либо, что тоже имеет

место, становятся объектами политических манипуляций – их используют в политических целях другие теневые и публичные субъекты.

Остановимся на последних моделях – нестандартной и парадоксальной.

Здесь наиболее наглядный и значимый процесс связан с повышением социально-политической роли женщин. По-существу данный процесс развернулся только в XX веке и набрал значительный ход к его концу – началу XXI в. Это нашло свое отражение и в формировании одной из новых парадигм, подходов в современной политической науке – гендерной [2].

Позиционирование гендерного подхода, гендерных исследований характерно и для ряда других социально-гуманитарных наук (социология, психология, педагогика, менеджмент и др.).

Следует подчеркнуть, что последователям данного подхода в разных отраслях гуманитарного знания присуща общая позиция: «Последователи гендерного подхода… исходят из следующего положения – не пол, то есть биология и природа, а гендер обусловливает психологические качества, способности, виды деятельности, интересы, занятия мужчин и женщин. Формирование этих различий происходит посредством социализации, воспитания, через культурные традиции, обычаи, правовые и этические нормы конкретного общества. Существующие биологические различия не являются решающими, а представляют лишь основания для конструирования мужской и женской личности. Мужские и женские модели поведения и идентичности – это продукт культуры общества» [3, с. 7].

Подчеркнем, что ускорение развития нестандартной и парадоксальной моделей инициируется общецивилизационным сломом, подводящим к развитию процесса глобализации. Речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями [4, с. 8-31].

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960-1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоциируются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда. В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки потенциального соперничества мужчин и женщин были социально жестко фиксированы. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельностей. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляриза-

ции мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть.

Также произошла семейная революция. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху. В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. Меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI в. однополые браки полностью узаконили 13 стран, во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств».

Возвращаясь к нестандартной и парадоксальной моделям, подчеркнем, что гендерные группы обычно определяются как устойчивые социально-психологические общности людей, члены которых, осознавая себя как мужчины и женщины, разделяют и репрезентируют нормы полоспецифического поведения [5]. Однако в системе гендерных отношений люди не только разделены на мужчин и женщин, они при этом разделены на гетеро- и гомосексуалов. В этом случае уместно говорить о гендерных и квазигендерных группах.

Специфика заключается в том, что, в то время как гендерные проблемы практически во всемирном масштабе и уже достаточно длительный промежуток времени признаются актуальными и требующими немедленного решения. В то время как проблемы, связанные с нетрадиционной сексуальной ориентацией и иной гендерной идентичностью до сих пор встречают глухое непонимание и откровенную враждебность. Мы уже подробно освещали этот аспект ранее [6-7].

В итоге, мы можем определить квазигендерные группы как группы сексуальных меньшинств, не имеющих статуса гендерных групп, каждая из которых объединена на основе определенного образа жизни и собственного культурного производства сексуального поведения, подвергается социальному осуждению и дискриминации со стороны гендерного большинства, что в большей или меньшей степени проявляется в различных культурах и в разные исторические эпох, и с течением времени стремится к культурной и политической идентификации. По нашему мнению, именно квазигендерные группы действуют в режиме парадоксальной модели.

Эмансипация сексуальных меньшинств, в том числе через политический активизм и конструирование собственной позитивной идентичности, началась как ответ на политическую и социальную дискриминацию. XX век был веком эмансипации.

Процесс эмансипации неизбежно изменяет сущность ее субъекта, вынуждает его быть другим вместо того, чтобы быть самим собой [8].

Исследователи выделяют несколько универсальных стадий институционализации меньшинств (эмансипации) в пространстве политического:

1) дискриминация, обладающая множеством модификаций – сексизм, андроцентризм, виктимизация, семитизм, расизм, ксенофобия, гетероцентризм, апартеид, инквизиция, рабство, холокост и т.п. Помимо прямого угнетения и стигматизирования, дискриминация предполагает и субординацию, подчиненность меньшинств

большинству, проявляющуюся (Р. Парк) в механизме политической эксклюзии, когда меньшинства исключаются из сферы публичной политики;

2) «выход из подполья», что сопровождается политической мобилизацией меньшинств, проникновением в общественно-политическое поле (первоначально – в ранге неформальной практики), конструированием собственной идентичности, свободной от господствующих предрассудков и нацеленной на сохранение аутентичного статус-кво, выработкой требований по искоренению дискриминации и признанию за ними гражданских, культурных, политических прав наравне с доминирующей частью общества;

3) легитимация – как включение вопроса меньшинств в общественно-политическую повестку дня, когда он широко дебатируется на официальном уровне – либо на базе международных организаций, либо в пространстве внутренней политии. Тем самым, признается наличие того или иного меньшинства, обладающего особым набором характеристик.

В 1980-2000-х гг. в публичный дискурс постепенно вовлекаются женщины и гомосексуалы, образующие собственные штудии (women, gender, gay-lesbian, queer), ориентированные на апологетику, поиск механизмов самоидентификации, которые сегодня задают ритм исследованиям, посвященным гендерным аспектам функционирования политических систем, неосексуальным механизмам политического участия;

4) легализация, когда речь идет о юридическом признании, нормативном закреплении статуса и прав меньшинств. Это признание может быть относительно полным, когда за представителями меньшинств закрепляется весь перечень гражданских прав, присущий большинству и законодательно пресекаются любые попытки дискриминации, и частичным – например, декриминализация гомосексуализма в России, но, при этом, действует запрет на юридическую регистрацию политических образований гей-сообщества и молчаливое поощрение физического и морального прессинга [9].

Как считает ряд исследователей, политическая субъективация квазигендерных групп может выражаться в таких направлениях их деятельности, как манифестации и митинги, проведение просветительских мероприятий и публичных акций, направленных на снижение уровня гомофобии в обществе; лоббирование изменений в законодательстве и государственной политике; выступления в СМИ и создание профильных СМИ и т.п.

Однако все это представляется возможным интерпретировать как проявление деятельности квазигендерных групп в качестве теневых субъектов политики, но никак не ее полноправных субъектов. Иначе говоря, за годы существования постсоветской России группы с нетрадиционной гендерной идентичностью оформились в ЛГБТ-сообщество, проявляющее себя в качестве самостоятельного теневого субъекта внутренней политики и общественной жизни, а квазигендерные группы сами по себе также выступают как самостоятельные теневые субъекты. Но при этом они не обладают достаточными ресурсами и потому даже в качестве теневых субъектов не способны оказывать влияние на принятие политических решений. Вместе с тем, внутренняя политическая позиция носит нейтральный или даже абсентеистский характер.

При этом политическая власть рассматривается не как враг, которого нужно свергнуть, а как оппонент и/или партнер для решения общественной проблемы [10, с. 93].

В этом смысле ЛГБТ-движение может быть названо «*независимой гражданской инициативой*», поскольку в него входят гражданские группы и гражданские организации, созданные людьми, обладающими «*психологией граждан*». То есть, это люди (граждане), способные образовать «гражданское пространство смыслов и дей-

ствий» (гражданскую сферу), готовые учитывать не только личный, групповой или корпоративный, но и *общественный интерес*, и способные действовать для реализации подобного общественного интереса (решения общественных проблем), а, значит, вызывать тем самым глобальные социальные изменения, пусть и на очень локальном уровне, делая ситуацию чуть более справедливой» [10, с. 93-94].

Квазигендерные группы в общественной жизни и политической реальности в качестве теневых субъектов могут проявлять себя через самые разнообразные формы и направления. Применимо к нашей исследовательской ситуации речь идет не только о неформальных политических практиках в пространстве конструирования и воспроизводства основных способов существования субъектов политики, но и о группах интересов, не имеющих возможности к полноправной политической деятельности или хотя бы политическому участию. Да, собственно и не стремящиеся к этому на своем массовом уровне (что касается элитного уровня, то однозначной информации здесь нет, но есть немало субъективных свидетельств, говорящих об иных близких к стандартной модели проявлениях теневых элитных квазигендерных групп [например: 11, с. 143-157]).

Исходя из обозначенных выше теоретических подходов и методических ориентиров, актуальность введения в политическую науку понятия «квазигендерные группы» в его соотнесенности с категорией теневых субъектов политических процессов заключается в том, что использование данного понятия может послужить успешному разрешению ряда теоретических и политико-прикладных проблем, осуществить более адекватный анализ процессов, протекающих в обществе, концептуализировать политическую эмпирику в общем тематическом пространстве функционирования политических процессов.

Говоря о зоне распространения ЛГБТ-движения, выделяют четыре уровня: *глобальный, региональный, национальный и локальный.* На глобальном уровне ЛГБТ-движение объединяется в несколько крупных организаций (*ILGA, InterPride, IGLYO* и др.) и ряд не очень крупных международных организаций. Региональные организации объединяют ЛГБТ-организации и инициативы больших регионов, например Азиатско-Тихоокеанского, Европы, Африки, Южной Америки, Северной Америки. Национальный уровень ЛГБТ-движения – это как большие национальные организации в конкретных странах, так и ассоциации, объединяющие различные организации в рамках одного государства. Локальный уровень ЛГБТ-движения – это уровень местных организаций и инициатив [10, с. 97].

Под ЛГБТ-движением понимается социально-культурное *движение за права сексуальных и гендерных меньшинств*, которое стремится добиться изменений в законодательстве, обществе и культуре, направленных на обеспечение прав сексуальных и гендерных меньшинств, на искоренение гетеросексизма, гетеронормативности, гомо- и трансфобии. Иными словами, ЛГБТ-движение включает в себя наиболее активную часть ЛГБТ-сообщества.

Что касается ситуации в России, то здесь деятельность квазигендерных групп в последнее время все более явно вписывается в глобальную стратегию развития ЛГБТ-движения, где отражаются трудности в его деятельности, связанные с социально-политической неопределенностью в обществе, и ставятся задачи преодоления этих трудностей.

В январе 2008 года в Москве состоялся «круглый стол» ЛГБТ-активистов и представителей правозащитных организаций. По итогам этой встречи был принят проект «Основных положений стратегии развития ЛГБТ-движения в России». Этот

документ, по замыслу авторов, должен стать основой для дискуссии о настоящем и будущем ЛГБТ-движения в России, его ближайших целях и методах.

В Стратегии развития определены следующие цели деятельности: 1) помощь в преодолении внутренней гомофобии и трансфобии, 2) содействие удовлетворению социальных и духовных потребностей ЛГБТ, 3) повышение организованности и солидарности сообщества [12].

В России гомосексуальные отношения уголовно не преследуются с 1993 г. Этот шаг по их декриминализации был осуществлен в основном под давлением международного общественного мнения с целью обеспечить вступление России в Совет Европы. Окончательно данное решение было закреплено в новом Уголовном Кодексе РФ, вступившем в силу с 1 января 1997 г.

В целом же, отношение к гомосексуализму и гомосексуалам в РФ крайне неоднозначное. С одной стороны, это политическая гомофобия – позиция ряда общественных организаций, партий, государственных и партийных деятелей, выступающих против пропаганды гомосексуальных отношений; мнение ряда известных российских сексологов, считающих гомосексуальность нарушением психосексуальной ориентации по полу объекта; принципиальная позиция Русской православной церкви (РПЦ) и других религиозных конфессий России, которые считают гомосексуализм тяжким грехом. С другой стороны, усилия, направленные на изменение отношения к гомосексуальности, в основу которого положено представление о ней как о варианте нормы [13, с. 135].

По оценкам видного отечественного ученого проф. И.С. Кона, специфическая черта российской политической гомофобии – ее резко выраженная антизападная направленность. То, что в начале нового тысячелетия Россия и Запад стали политически и идеологически развиваться в противоположных направлениях, совершенно не зависит от сексуальных меньшинств, но сильно влияет на их положение. На Западе после завершения процессов декриминализации и депатологизации сексменьшинства стали бороться за признание своих гражданских и человеческих прав и при поддержке демократических сил добились в этом значительных успехов. В России геи перестали быть преступниками и больными, но никаких прав и гарантий безопасности не получили [14].

Гомофобия в России в последнее время стала даже нарастать. Тем не менее, 31 марта 2010 г. Комитет Министров Совета Европы, представленный национальными правительствами 47 стран-членов, единогласно принял «Рекомендации по мерам преодоления дискриминации по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности». Это первое в мире межправительственное соглашение о мерах по обеспечению прав геев, лесбиянок и трансгендеров. Документ содержит перечень конкретных шагов в таких сферах, как: преступления на почве ненависти и речи ненависти; свобода объединений, выражения и мирных собраний; право на уважение частной и семейной жизни; трудоустройство; образование; здравоохранение; жилье; спорт; право на убежище. «Комитет министров принял свои Рекомендации консенсусом. Это означает, что с ними согласилась и Россия», – заявил по этому поводу председатель Российской ЛГБТ-Сети И. Кочетков [15].

Однако в связи с принятием резолюции в поддержку прав сексуальных меньшинств на сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Российская газета» от 29 апреля 2010 г. рассказала о неформальной гомофобной позиции российской делегации. Оказывается, парламентарии России вступили в сговор с клерикальными гомофобами в ПАСЕ, а права ЛГБТ-граждан выступили для российских депутатов в качестве средства для торга ради достижения иных политических целей.

Иллюстративно яркой, характерной и официально публичной в этом плане является четкая позиция, которую обозначил Президент РФ В.В. Путин на итоговой пресс-конференции 4 июня 2013 г. по итогам саммита Россия–ЕС в г. Екатеринбурге: «Я считаю, что в целом у нас законодательство весьма либерально в этом плане, никакой дискриминации. Люди любых предпочтений у нас работают, делают карьеру, мы их признаем на государственном уровне за конкретные дела. Я считаю, что проблем здесь никаких нет. Все мы должны быть более толерантными. И проявлять меньше агрессии. Это касается как людей традиционной, так и нетрадиционной ориентации. Поменьше выпячивания… Что касается закона об ограничении усыновления в однополые семьи – пока такого законопроекта у меня нет, я его не видел. Если будет принят парламентом – я его подпишу» [16].

Подводя итоги нашему анализу, подчеркнем следующее:

1. Глобальные политические процессы в современном мире вызвали тектонические сдвиги не только в развитии технологий, массовых коммуникаций, финансовой деятельности, формировании инновационных сетей, но и в сфере межличностных, семейных, межэтнических и иных отношений. Одним из мощных проявлений выступила гендерная эмансипация и самая ее неординарная последняя волна – квазигендерная эмансипация.

2. Глобализация трансформировала пространство публичной и непубличной, теневой политики, синхронизировав и ускорив процессы политического развития. В то же время на политическую арену вышли новые субъекты публичной и теневой политики. Мы обратили внимание на разнообразие моделей субъектов теневой политики: стандартную, нестандартную, парадоксальную.

3. Конкретные проявления нестандартной и парадоксальной теневой субъектности мы проанализировали на примере позиционирования квазигендерных групп. Типичной их чертой выступает правозащитная направленность и создание условий самореализации в общегражданском контексте. Как теневые субъекты квазигендерные группы не обладают собственным политическим потенциалом, и на массовом уровне для них не характерна устремленность во власть. Это составляет суть парадоксальной модели: включение в политические отношения без нацеленности на доминирование в них и даже при преобладании абсентеистских установок.

4. Включенность в политические процессы по образцу парадоксальной модели создает благоприятствующие условия для политического манипулирования квазигендерным движением: со стороны глобалистских центров – с целью создания видимости (а, может быть, и не только) оппозиционных российской власти сил и давления на российскую власть; со стороны российских политических акторов – для создания образов врага, «пятой колонны», для создания эффекта мнимой мобилизации масс, их разделения на «своих» и «чужих» и т.п.

5. Россия уже включена в глобальный процесс квазигендеризации, находясь в его арьергардной части. Поэтому включение в гендерную и квазигендерную эмансипацию будет идти меньшими темпами, захватывая значительно меньшую часть претендентов на квазигендерную самореализацию, нежели в западном анклаве глобализации, что создает условия для миграционных перемещений из России части квазигендерных групп.

6. Как парадоксальный теневой субъект в политике квазигендерные группы не представляют реальной силы и опасности для существующей системы политической власти. Однако могут быть использованы в качестве объекта политических манипуляций

Литература

1. См., например, кандидатские диссертации, защищенные в диссертационном совете СКАГС (ЮРИФ РАНХиГС) по политическим наукам: В.А. Воронов. «Феномен теневой власти в современном политическом процессе России» (2002 г.); Н.В. Кадурина. «Влияние конспирологических концептов на репрезентацию политических процессов» (2013 г.).
2. Новые направления в политической науке. Пер. с англ. М., 1999.
3. *Козлов В.В., Шухова Н.А.* Гендерная психология. – СПб.: Речь, 2010.
4. *Кон И.С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. - СПб.: Изд-во С-Петерб. унта, 2011.
5. *Клёцина И.С.* Психология гендерных отношений: концептуализация и эмпирическая иллюстрация макроуровня // http://www.humanpsy.ru/
6. *Швец М.В.* Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
7. *Швец М.В.* Инкорпорирование квазигендерных групп в общественную жизнь и политический процесс // X Международные гендерные чтения. Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013.
8. См. об этом подр.: *Танхилевский А.Г.* Эмансипация как философская проблема // http://articles.excelion.ru/
9. *Горшков А.С.* Институционализация меньшинств в поле публичной политики. Автореф. дисс. ...канд. полит, наук. – Пермь, 2009.
10. *Созаев В.* ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования, 2010, № 20-21.
11. *Звеньева А.А.* Голубая элита России. – М.: Алгоритм, 2007.
12. Основные положения стратегии развития ЛГБТ-движения в России//http://lgbtnet.ru/2008/
13. *Кочарян Г.С.* Гомосексуальные отношения и современная Россия // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2009. № 1 (21).
14. *Кон И.* Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. 2007. № 4 // http://www.gay.ru/science/kon/research/kon/
15. GayNews.RU
16. Путина достали однополые браки // МК-на-Дону. Московский комсомолец. 2013. 12-19 июня. № 25.

УДК 331.5

Агузарова Л.А.

Государственное регулирование трудовых потоков в условиях модернизации экономики депрессивного региона

В статье «Государственное регулирование трудовых потоков в условиях модернизации экономики депрессивного региона» исследуется одна из наиболее острых проблем регионов Северного Кавказа – проблема миграции трудоспособного населения, оказывающей существенное негативное влияние на процессы воспроизводства трудового потенциала территории и предлагаются инструменты государственного регулирования трудовых потоков.

Ключевые слова: миграционные процессы; государственное регулирование; социально-трудовой потенциал; депрессивный регион; трудовые потоки.